

А. А. Чапенко

Допросные документы немецких военнопленных из горного корпуса «Норвегия» как источник по истории Великой Отечественной войны в Заполярье в 1941 г.

Сбор, обработка и анализ информации о противнике всегда являлся одним из основных элементов боевой деятельности и одной из ключевых задач военной разведки. Эта работа всегда была очень строго регламентирована, имела четкую структуру, которая соответствовала специфике решаемых задач. Если говорить об этом вопросе в контексте Великой Отечественной войны в Заполярье, то необходимо подчеркнуть, что начало наступления немецкого горного корпуса «Норвегия» на Мурманском направлении 29 июня 1941 г. в числе прочих проблем поставило перед советским командованием 14-й армии задачу сбора сведений о противнике, необходимых для эффективного ведения боевых действий.

В силу целого ряда объективных причин лета — осени 1941 г. такую информацию могла предоставить только внешняя и военная разведка, а основными источниками получения сведений в то время можно назвать следующие.

Во-первых, это данные внешней (агентурной) разведки, которые были вне компетенции армейских разведывательных органов и поступали в разведывательные отделы штабов соединений Красной армии по линии Первого управления НКГБ СССР. Рассмотрение и анализ работы советской внешней разведки, а конкретно резидентуры в Северной Норвегии, и оценка степени достоверности той информации, которая ею предоставлялась, является темой отдельного исследования. Проведение таких научных изысканий очень серьезно осложняется тем, что архивных документов, позволяющих дать объективную оценку работе советской агентуры в Северной Норвегии накануне Великой

**Чапенко
Александр
Александрович**
канд. ист. наук,
доц., Мурманский
арктический
университет
(Мурманск, Россия)

Отечественной войны, в научный оборот до сих пор не введено. Скорее всего, большинство из них до сих пор не рассекречено, и это делает невозможным научный анализ данной проблематики. Тем не менее ряд косвенных фактов, прежде всего отраженных в доступных документах войсковой разведки, позволяет предположить, что работа советской внешней разведки в данном регионе накануне и в первые дни Великой Отечественной войны была малоудовлетворительной. У командования 14-й армии накануне начала активной фазы боевых действий с противником (29 июня 1941 г.) отсутствовала какая-либо достоверная информация о составе, численности и степени боеспособности вражеской группировки, и уж тем более о ее планах. Кое-какие весьма малоинформативные данные от агентурной разведки через оперсводки разведывательного отдела штаба 14-й армии до армейского руководства, конечно, доходили. Но эти сведения были весьма общими и схематичными — агентура (скорее всего, завербованная из числа мирного норвежского населения или заброшенная в Северную Норвегию под ее видом) путем визуального наблюдения фиксировала только факты прибытия-отбытия транспортных судов в порты Северной Норвегии и Финляндии (Лиинахамари) без указания как названий этих кораблей, так и состава груза, который был на них доставлен¹.

Наблюдали агенты издали и за авиацией неприятеля на аэродромах Киркенес, Лаксельвен, Тромсе, Боде, Нарвик и Тронхейм в Северной Норвегии². Предоставлялись и явно вымышленные сведения об арестах в Северной Норвегии начиная с 19–20 июня 1941 г. деятелей Коммунистической партии Норвегии — якобы были арестованы 17 человек. О дезинформационном характере сообщений свидетельствует такой факт — в разведывательной сводке штаба 14-й армии эти данные в итоге были зачеркнуты³.

Материалы этих наблюдений позволяли получить только самую общую информацию о том, что враг наращивает свои силы в регионе, подтягивает тылы, что говорило о его подготовке к наступлению. К сожалению, отсутствие внедренной агентуры в офицерских и штабных кругах немецкого горного корпуса «Норвегия» напрочь исключало получение каких-либо иных, более конкретных и более значимых для советской стороны сведений. В штабе 14-й армии 29 июня 1941 г., когда начались активные боевые действия со стороны противника, вообще не было понимания, кто атаковал советскую территорию на Мурманском направлении — немцы или финны. К примеру, когда штаб 14-й армии запросил по радиотелеграфу штаб вступившей в бой с врагом 14-й стрелковой дивизии, с кем она ведет бой («перед фронтом кто — немцы или финны?»), из дивизии уверенно отрапортовали — «финны... до двух полков»⁴. Хотя на самом деле, конечно же, боевые действия велись с немецкими подразделениями горного корпуса «Норвегия»⁵.

Во-вторых, помимо внешней разведки, полностью замкнутой на НКГБ СССР, сбором оперативно-тактической информации о противнике занималась и военная (войсковая) разведка, включающая в себя разведывательные отделы при штабе 14-й армии и штабах двух дивизий мурманского направления — 14-й и 52-й стрелковых. Руководство этой работой на оперативно-тактическом уровне всегда целиком находилось в руках командующего армией

или командиров дивизий. Выполнение задач по разведке, ведение иных действий такого рода возлагалось на разведывательные подразделения дивизий, контроль над которыми осуществлял начальник разведывательного отдела и начальник штаба. Именно они определяли цели разведки, назначали подразделения для выполнения тех или иных задач, определяли сроки и время получения тех или иных разведывательных данных. К сожалению, качество организации военной (войсковой) разведки как на тактическом, так и на оперативном уровне в начале войны было чрезвычайно низким. До 1943 г. у войсковой разведки вообще отсутствовала какая-либо документальная база, которая четко регламентировала бы ее деятельность в тактическом и оперативном звеньях управления. Уставы и наставления содержали лишь общие положения по разведке, касавшиеся командиров и начальников штабов соединений, а также начальников разведывательных отделений. Кроме того, опыт значительной части комсостава органов управления разведкой был небольшим. Ряд приказов, директив и указаний отразил факты низкой квалификации, недопонимания некоторыми из командующих, командиров, штабов роли и значения разведки в операции, бою, низкой требовательности и отсутствия постоянного контроля выполнения разведывательных задач⁶.

Все эти проблемы руководству Красной армии были известны еще до начала Великой Отечественной войны. Например, говорил об этом в своем выступлении на прошедшем в конце декабря 1940 г. совещании высшего командного состава РККА в Наркомате обороны СССР начальник управления боевой подготовки Красной армии генерал-лейтенант В. Н. Курдюмов⁷. О слабости всех видов разведки в своих докладах говорили и другие военачальники, принимавшие участие в этом же совещании, — начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии К. А. Мерецков, заместитель начальника Генерального штаба Красной армии, начальник разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, командующий войсками Дальневосточного фронта генерал-полковник Г. М. Штерн и другие⁸.

Понимая важность войсковой (военной) разведки в условиях все более осложняющейся международной обстановки, 23 января — 22 февраля 1941 г. разведывательное управление Генерального штаба Красной армии организовало проведение сборов начальников разведотделов приграничных военных округов и армий, на которых была проведена военно-штабная игра. Эта игра имела своей целью отработку действий военной разведки в условиях начавшейся войны. По воспоминаниям одного из участников этого мероприятия, ветерана разведки генерал-майора В. А. Никольского, результаты этой игры, как и самих сборов, были довольно противоречивыми. С одной стороны, сборы показали важность работы разведки, особенно агентурной и особенно на своей территории в случае ее захвата врагом. С другой стороны, руководство разведки Генштаба Красной армии отнеслось к игре и к сборам как к обычной рутинной работе, ограничившись в своих выступлениях только общими и абстрактными рассуждениями о преодолении пораженчества и сохранении бдительности⁹.

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что еще накануне войны руководство Красной армии вполне отдавало себе отчет в слабой

подготовке своей военной (войсковой) разведки. К сожалению, война со всей очевидностью продемонстрировала актуальность этой проблемы. Разведывательные органы 14-й армии Северного, а затем Карельского фронта и входивших в нее частей с началом Великой Отечественной войны в Заполярье, буквально с первых же ее часов, приступили к выполнению возложенных на них боевых задач, в том числе и касающихся сбора информации о противнике, однако отсутствие опыта и навыков работы такого рода серьезно влияло на степень ее эффективности.

Способов получения данных о неприятеле летом — осенью 1941 г. было только три: визуальное наблюдение за противником с воздуха и с земли, радиоперехват (тут налицо, кстати, была очень четкая и отлаженная система взаимодействия сухопутной разведки с разведывательными органами Северного флота¹⁰) и, конечно же, допросы военнопленных, которые, как показали последующие события, стали наиболее достоверным источником получения необходимой информации. Осуществлялось это посредством создания самостоятельной развернутой системы допросов попавших в плен немецких военнослужащих. Именно этому аспекту работы разведки и посвящена заявленная проблематика данной статьи.

Характеризуя источники, привлеченные для написания статьи, хотелось бы подчеркнуть, что они представлены никогда ранее не публиковавшимся массивом документов из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО РФ) — разнообразными протоколами допросов немецких военнослужащих, плененных на Мурманском направлении в начальный период Великой Отечественной войны в Заполярье. Хронологически они охватывают промежуток с июня по сентябрь 1941 г. Данные материалы были рассекречены относительно недавно, что привело к тому, что эта тема ранее не являлась предметом пристального внимания со стороны авторов, занимавшихся изучением боевых действий в Заполярье. Вопросы анализа допросных документов не рассматривались историками и мемуаристами, изучавшими боевые действия на данном театре. В своих публикациях они если и затрагивали тему неприятеля, то исключительно в контексте использования воспоминаний германских военнослужащих, сражавшихся на Севере¹¹. Допросы немецких плененных в этих работах упоминались только в виде выборочных цитат, выступая подтверждением тех точек зрения, которые приводились советскими авторами¹².

Первая неделя боев на Мурманском направлении, в конце июня — начале июля 1941 г., характеризуется тем, что плененных солдат или офицеров противника, которых можно было бы подвергнуть допросам, не было вообще. Это ограничивало возможность получения информации о неприятеле, вызывало обоснованный гнев и критику со стороны штаба 14-й армии в адрес штабов и разведывательных структур 14-й и 52-й стрелковых дивизий, воевавших на этом участке. Неоднократно штаб армии требовал захвата вражеских военнослужащих¹³, однако, судя по разведывательному донесению № 4 штаба 14-й армии от 3 июля 1941 г., к этому дню ни одного пленного захвачено так и не было¹⁴. В эти же дни были зафиксированы факты добивания раненых

солдат противника и расстрелов пытавшихся сдаться, которых, таким образом, просто не доводили до штабов полков и дивизий¹⁵. Именно это привело к появлению 18 июля 1941 г. приказа № 10 штаба 14-й армии о категорическом запрете расстрела пленных¹⁶.

Только днем 7 июля 1941 г., спустя неделю активной фазы боев на Мурманском направлении, были захвачены первые немецкие солдаты. На основе их допроса, а также бесед с первым перебежчиком, который перешел на сторону Красной армии 8 июля 1941 г.¹⁷, и начался процесс становления и развития системы допросов пленных.

Первичный опрос вражеских военнослужащих, как видно из архивных документов, осуществлялся практически сразу после пленения, в штабе того подразделения, которое, собственно, его и захватило. Так, например, первый допрос попавшего в плен 16 ноября 1941 г. солдата 13-й роты 3-го батальона 143-го горно-егерского полка 6-й горной дивизии проводил временно исполняющий должность переводчика штаба 112-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии по фамилии Бессараб¹⁸.

Затем пленных допрашивали уже в штабе дивизии. Например, ефрейтор 7-й роты 2-го батальона 143-го горно-егерского полка 6-й горной дивизии Алоиз Планк, плененный 24 ноября 1941 г., впервые был допрошен в штабе 52-й стрелковой дивизии майором Куприяновым и переводчиком, воентехником 1-го ранга Родовниченко¹⁹.

Эту работу мог проводить и владеющий немецким языком начальник штаба опергруппы Мурманского направления полковник Буковский. Так, например, именно он допрашивал Готфрида Цаха, солдата 7-й роты 2-го батальона 143-го горнострелкового полка той же 6-й горной дивизии, попавшего в плен 27 октября 1941 г.²⁰

После препровождения военнопленных в расположение разведотдела штаба 14-й армии работа с ними велась уже в Мурманске. Допросы осуществлялись либо начальником разведывательного отдела штаба армии, либо лично командующим 14-й армией. Кого-то из пленных в разведывательном отделе допрашивали единожды, кого-то вызывали на повторные протокольные беседы, с большим количеством дополнительных вопросов. Как правило, это касалось самых «разговорчивых» пленных, степень готовности которых к диалогу сразу же выявлялась на первых допросах²¹. В завершение беседы с каждым конкретным пленным разведывательным отделом штаба армии составлялись протоколы допроса (опроса), которые иногда полностью, но чаще всего отдельными частями тиражировались и передавались в подразделения дивизий Мурманского направления для ознакомления штабов и командиров с расстановкой сил противника и нанесения выявленных данных о неприятеле на оперативные карты подразделений²².

Любопытно, что первые допросы первых пленных из частей 2-й и 3-й горных дивизий, проведенные в июле — августе 1941 г., были достаточно сжатыми и лаконичными по содержанию. Неизвестно, являлось ли это следствием отсутствия опыта у военных разведчиков по работе с пленными, нехваткой времени, дефицитом переводчиков либо неразговорчивостью самих

пленных, но анализ протоколов допроса первых пленных оставляет ощущение какой-то поверхностности и словно нежелания допрашивающих «выкачать» из своих подопечных максимум информации. Да и самих пленных в первые недели войны было еще очень мало. Добровольно в плен враг практически не сдавался, боевой дух его был очень высоким, и стремления поднять руки у неприятеля не было вообще. Плюс к этому добавим и такой нелицеприятный факт, как отсутствие желания у бойцов Красной армии брать в плен солдат противника — зачастую их просто расстреливали²³. И неприятель об этом также, видимо, знал. Многие разведчики уровня рота-батальон стремились хоть как-то показать свою работу, отправляя в штабы дневники, записные книжки и различные не очень ценные бумаги, подобранные с убитых солдат противника, а также их личные документы и знаки различия. Правда, в основной своей массе, за редким исключением, такие источники информации интереса для советской стороны не представляли²⁴.

Однако по мере того как боевые действия набирали обороты, постепенно, летом — осенью 1941 г. совершенствовалась и типовая схема допросов военнопленных. Рассмотрим, как она выглядела в своем уже практически завершенном виде осенью 1941 г.

Первым делом у пленного спрашивали фамилию, имя, год и место рождения, национальность, образование и семейное положение. При этом обязательно визуально осматривали обмундирование и личные вещи военнопленного на предмет наличия подписей (типового ярлыка с фамилией и именем, плюс на некоторых бирках указывалась и воинская часть). Так как у немцев все предметы обмундирования подлежали биркованию в обязательном порядке, то иногда это давало весьма неожиданные результаты. Так, например, у допрашиваемого 21 июля 1941 г. военнопленного, назвавшегося ефрейтором Людвигом Фуксом из 139-го горно-егерского полка, обнаружилась иная фамилия на головном уборе. Трехчасовой допрос не дал никаких результатов. По существу Людвиг Фукс не ответил ни на один вопрос²⁵.

Далее военнопленный должен был рассказать о своей семье, отце, матери, жене, детях и других родственниках, своих занятиях до армии. Затем ему задавались вопросы о том, когда он был призван в армию. С обязательным уточнением: попал ли он в вермахт по призыву или пошел добровольно. Военнопленный должен был подробно рассказать о своей службе во всех подразделениях, в каких он числился до перевода в ту часть, находясь в составе которой попал в плен. Ну и, конечно, предлагалось сообщить информацию о том, в каком подразделении он служил на момент пленения. Затем задавались вопросы о времени прибытия его подразделения на фронт, каким образом часть перебрасывалась к фронту (пешим порядком или автотранспортом), в какие дни, через какие порты, какими эшелонами, в какие дни какие населенные пункты преодолевались и т. п.

Следующий блок вопросов касался структуры подразделения, где служил военнопленный. Его просили рассказать о составе подразделения, численности, вооружении, выполняемых задачах и т. д. Отдельный вопрос касался командиров частей. Пленных просили назвать всех известных им командиров

отделений, взводов, рот, батальонов, полков и дивизий. Также задавались вопросы о внешности командиров (худой или полный, ношение очков, усов, бороды и др. приметных черт), особенностях характера (требовательный или нет), личных качествах (инициативный, энергичный, конфликтный и т. п.), возрасте, о выполнении ими служебных обязанностей и т. д. Такая методика позволила разведывательному отделу штаба 14-й армии к концу 1941 г. собрать достаточно объемный массив важной информации о командном составе горного корпуса «Норвегия»²⁶.

Затем спрашивали о расположении артиллерии, минных полей, штабов подразделений, складов и т. д. Как правило, расположение их просили показать на карте. Указанные данные, если пленный был готов их сообщить, с отметкой квадратов расположения артиллерии, штабов, складов и тому подобного, вносились в протокол допроса²⁷.

Следом за этим шли требования предоставить информацию о получении подразделениями пополнения, о быте на фронте (в каких землянках живут, как кормят, как обстоит дело с теплой одеждой и т. д.). Задавались вопросы о дисциплине в частях, о специфике действий немецкой военной разведки, о схемах размещения и расстановки караулов, о боевой учебе. Ближе к зиме пошли вопросы о лыжной подготовке, об обеспеченности боеприпасами, продуктами, зимней одеждой и т. п.

С октября 1941 г. в допросных листах фиксируется интерес разведчиков штаба 14-й армии к химической службе у противника, его обеспеченности противогАЗами и химическим оружием. Зачем это нужно было разведотделу армии, остается неясным. То ли были опасения, что противник в условиях начавшейся с октября 1941 г. позиционной войны применит боевые отравляющие вещества, то ли наоборот, советская сторона сама планировала применить боевые отравляющие вещества и в силу этого плотно интересовалась обеспеченностью солдат противника противогАЗами и противоипритными накидками, на случай советской химической атаки. Начальникам разведотделений 52-й стрелковой дивизии и 12-й отдельной бригады морской пехоты 12 декабря 1941 г. даже была направлена специальная секретная записка, в которой обращалось внимание на то, что при допросах в вопросник обязательно включать пункты об организации химслужбы в немецкой армии. В частности, рекомендовалось задавать вопросы о том, какие средства защиты имеют солдаты, какие средства химического нападения есть в частях и вообще о готовности вермахта к химической войне. Также проявлялся интерес к наличию у противника огнеметов²⁸.

Заканчивался допрос традиционным вопросом — доволен ли содержанием в плену (положительный ответ давали практически все пленные) и готов ли написать письмо немецким солдатам с описанием условий содержания в советской неволе. Большинство письмо написать соглашалось, но были и те, кто отказывался категорически. Причем, как правило, поступали они так не в силу того, что считали это нарушением присяги, а высказывая опасение за судьбу своих близких, оставшихся в Австрии или Германии²⁹.

Пленные на допросах вели себя по-разному. Кто-то рассказывал обо всем, что знал, а кто-то упорно отмалчивался и пытался дезинформировать

советскую сторону. Чем больше становилось пленных, тем больше работы становилось у аналитиков разведотдела штаба армии, вынужденных сравнивать и сопоставлять огромный объем информации, получаемой от немецких солдат, для того чтобы вычленив из него достоверные, наиболее ценные и доказуемые сведения. Далеко не всегда это удавалось сделать сразу, нередко врагу вначале удавалось успешно запутать советскую сторону, но ни одну серьезную дезинформацию, изложенную пленными, укоренить в сознании советской разведки неприятелю так и не удалось.

Говоря о важности сведений, получаемых от плененного противника, стоит подчеркнуть, что принципиальную значимость имели допросы офицеров как наиболее осведомленной в отношении оперативной информации части немецкой армии, в сравнении с рядовыми солдатами и унтер-офицерами. Офицеров допрашивали наиболее скрупулезно, только их количество из общего числа попавших в плен летом — осенью 1941 г. было небольшим. В плен за это время были взяты и неоднократно допрошены лишь командир 2-й роты 1-го батальона 388-го пехотного полка обер-лейтенант Вернер фон Барделебен и командовавший 91-м отдельным резервным полевым батальоном 6-й горной дивизии капитан Мюллер³⁰. Захваченного вместе с фон Барделебеном командира 1-го батальона 388-го пехотного полка капитана Вимпфенера допросить толком не успели, так как в плен он попал тяжелораненым, возможно в бессознательном состоянии, и в плену он очень быстро скончался³¹.

Захваченные в ходе боев осени 1941 г. немецкие офицеры в неволе вели себя очень сдержанно, но на задаваемые вопросы хоть и неохотно, но давали достаточно ясные и точные ответы, значительно расширив информационный кругозор для советской стороны о 388-м пехотном полку, 2, 3 и 6-й горных дивизиях, воевавших в первый год Великой Отечественной войны на Мурманском направлении³².

В течение всего периода лета — осени 1941 г. советские органы военной разведки постоянно совершенствовали систему допроса военнопленных. Это очень отчетливо видно при ознакомлении с протоколами опроса немецких военнослужащих. Структура получения информации к концу 1941 г. стала вполне оптимальной, как можно судить по протоколам допросов солдат 141-го и 143-го горно-егерских полков 6-й горной дивизии, плененных в ходе ожесточенных боев за высоты 314.9 и 258.3 в ноябре — декабре 1941 г.³³

В числе пленных тогда было много раненых, которые, как правило, оставались солдатами противника на поле боя либо просто бросались ими³⁴.

Количественно больше всего солдат, допросные документы которых сохранились в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, было из 388-го пехотного полка, 1-й батальон которого фактически был полностью разгромлен в ходе ожесточенного боя в районе высот Пранк и Брандль на правом берегу реки Западная Лица в начале сентября 1941 г. Помимо большого числа пленных, которые на допросах дали практически исчерпывающую информацию по своему подразделению, большой неприятностью для противника стал захват части штабной документации батальона и полка³⁵.

Это, прежде всего, касается карты с планом боевых действий в третьем (сентябрьском) наступлении горного корпуса «Норвегия» на реке Западная Лица. Изучение карты, фактически в первый день немецкого наступления, позволило советской стороне получить точные сведения о замысле неприятеля, что в свою очередь дало возможность эффективно оперировать имеющимися в распоряжении 14-й армии силами для нейтрализации замысла окружения советских войск, замыкания грандиозных «клещей Дитля»³⁶. Под ними в данном случае подразумеваются фланговые удары полков 2-й и 3-й горных дивизий, призванных окружить и уничтожить 14-ю и 52-ю стрелковые дивизии, противостоящие врагу на реке Западная Лица. Воистину можно понять недовольство руководства противника — генерала горных войск Э. Дитля, настойчиво протестовавшего против такого «усиления» своих соединений горных егерей, которое обернулось не только тотальным избиением возрастных солдат из 388-го пехотного полка, но и потерей важнейшей в тактическом отношении штабной документации.

С сохранением секретности боевых документов у немцев вообще в ходе военных действий 1941 г. на Мурманском направлении была настоящая системная проблема. Следует напомнить, что помимо захвата в числе штабных документов 388-го пехотного полка карты третьего (сентябрьского) наступления 1941 г. советская сторона в результате пленения в июле 1941 г. посыльного Макса Себастиана Шмидта из 68-го самокатного батальона (Radfahr-Abteilung 68) 3-й горной дивизии едва не стала счастливым обладателем и второго, июльского плана наступления немцев на Лица-фронте. Оно было намечено сразу после неудачи в первом натиске на Западной Лице, и его планы спешно отправлялись штабом горного корпуса «Норвегия» и штабами 2-й и 3-й горных дивизий посыльными по подразделениям. В числе таковых был и Макс Себастиан Шмидт, выехавший на мотоцикле с секретным пакетом, в котором находился план германского наступления. 10 июля 1941 г., заехав по ошибке в расположение советских войск, курьер был пленен. Что интересно, пакет с планом второго наступления он тем не менее успел уничтожить или выбросить перед пленением, так как его при обыске не нашли³⁷.

На допросах Макс Себастиан Шмидт дал весьма развернутые показания, особенно 22 июля 1941 г., когда с ним беседовал начальник разведотдела штаба 14-й армии майор Мещеряков. Пленный рассказал о себе, о своей службе, поведал, что является коммунистом и сочувствует СССР, описал специфику службы мотоциклистов в вермахте, указал места расположения ряда штабов и аэродромов, однако про пакет с донесением, которого при нем не обнаружили, не сказал ни слова³⁸.

Такая верность Макса Себастиана Шмидта присяге, в принципе, все равно никак не повлияла на развитие ситуации. Немецкое руководство горного корпуса «Норвегия», узнав о пленении посыльного мотоциклиста с секретным пакетом, начало оперативно менять свои планы и корректировать замысел второго, июльского наступления на позиции советских частей Мурманского направления³⁹.

После 388-го пехотного полка вторым по количеству пленных, допросные листы которых сохранились, подразделением был 137-й горно-егерский полк

из 2-й горной дивизии. Если пленение большого числа военнослужащих 388-го пехотного полка было связано с тем жесточайшим избиением, которое ему подготовила Красная армия в первый день третьего наступления врага, 8 сентября 1941 г., то значительное количество пленных из 137-го горно-егерского полка связано с иными причинами. Этот полк дольше других подразделений из 2-й и 3-й горных дивизий принимал участие в сражениях на Титовке и Западной Лице. Батальоны именно этого полка проявляли наибольшую активность в боях и понесли, пожалуй, наибольшие потери из числа горных егерей. По результату этого и количество пленных из 137-го полка у советской стороны было наибольшим в сравнении с другими полками горных егерей.

Заметно меньше военнослужащих в 1941 г. попало в советский плен из 136-го и 139-го горно-егерских полков и практически не было из 138-го. При этом в архивных документах Красной армии отмечалось, что именно 138-му горно-егерскому полку более всего досталось при его отходе с правобережья Западной Лицы, из района озер Куырк-Явр и Куырк-Явр-Лубол, на завершающей стадии третьего (сентябрьского) наступления горного корпуса «Норвегия»⁴⁰.

Дело в том, что при отступлении 138-го горно-егерского полка советскими частями была захвачена часть его штабной документации⁴¹. Правда, остается так до конца и неясным, был ли разгромлен штаб одного из батальонов этого полка или эта штабная документация была просто брошена немцами в неразберихе отхода. Скорее всего, именно ее обнаружение и фиксация этого момента в документах дали впоследствии основание советской стороне объявить о разгроме штаба батальона (и, следовательно, якобы и самого батальона) при его отступлении к исходным рубежам⁴².

6-я горная дивизия, прибывшая в Заполярье из Греции для смены на позициях вымотанных и обескровленных боями июня — сентября 1941 г. 2-й и 3-й горных дивизий, к третьему (сентябрьскому) наступлению на Лица-фронте опоздала⁴³. В итоге горным егерям «дивизии желтого эдельвейса», как ее называли, в конце октября 1941 г. пришлось испытать на себе все «преlestи» позиционной войны в суровой заполярной тундре, в условиях начавшейся полярной ночи и холодной зимы⁴⁴.

Не успели солдаты 6-й горной дивизии генерал-майора Ф. Шёрнера акклиматизироваться, занять рубежи обороны и обжиться на них, как в ноябре — декабре 1941 г. им пришлось отражать небезуспешные попытки советских войск сбить 6-ю горную дивизию с занимаемых рубежей на стратегически важных высотах 314.9 и 258.3 в среднем течении реки Западная Лица. В ходе этих ожесточенных боев, проходивших в полярную ночь и при сильной пурге, которые, с одной стороны, мешали, а с другой — помогали обеим противостоящим армиям, было пленено несколько горных егерей из 141-го и 143-го горно-егерских полков 6-й горной дивизии. Судя по сохранившимся в фондах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации протоколам допросов, в ноябре — декабре 1941 г. всего было захвачено 6 военнослужащих 141-го горно-егерского полка и 7 человек из 143-го⁴⁵.

Допросы показали, насколько к этому времени уже была отлажена методика сбора информации, получаемой от военнопленных, отработанная летом — осенью 1941 г. на горных егерях 2-й и 3-й дивизий. Пленным задавали вполне четкие и конкретные развернутые вопросы, добавился и элемент продуманного психологизма — наиболее разговорчивых солдат вызывали на допросы неоднократно, просили представить еще более подробные уточняющие ответы на задаваемые вопросы.

Материалы допросов всех без исключения солдат врага, которые допрашивались в период с июля по декабрь 1941 г., позволяют утверждать, что к ним никогда не применялись меры физического воздействия и показания силой не выбивались. Допросные документы фиксируют гуманное обращение с пленным противником. Сохранилась масса фактов о том, что попавших в плен раненых солдат лечили и перевязывали, допрашивали только тогда, когда они более или менее приходили в себя. Военнопленные отмечали хорошее питание и в целом удовлетворительное к ним отношение как со стороны советских военнослужащих, так и от работавших с ними командиров разведывательных органов. В числе пленных было несколько перебежчиков, добровольно перешедших на сторону Советского Союза, однако ни один из них не выразил готовности взять в руки оружие и воевать против нацистской Германии. В лучшем случае соглашались подписать письмо к немецким солдатам со словами о том, что с ними хорошо обращаются в плену⁴⁶.

Были случаи, когда пленные отказывались отвечать на вопросы советских разведчиков, молчали, давали путанные показания, назывались иными именами⁴⁷. Как правило, таких дезинформаторов достаточно быстро выявляли и предоставляемую ими информацию подвергали критическому анализу на основе сравнения с материалами, полученными из допросов других солдат. Так, к примеру, не получила подтверждения информация от одного из пленных о том, что 6-я горная дивизия обучена парашютному делу и имеет в своем составе горных парашютистов⁴⁸.

Среди попавших в плен практически не было людей, которые открыто бы демонстрировали свою приверженность идеям национал-социализма. С одной стороны, возможно, скрытые и реальные нацисты среди пленных и были, но самосохранение наверняка брало верх над политической и партийной сознательностью. Поэтому, как правило, пленные много говорили о своем пролетарском происхождении (у кого оно было), о том, где и когда на каких фабриках и заводах они работали, подчеркивали сочувствие идеям социал-демократии и коммунизма в период независимой Австрии⁴⁹. Имели место критические высказывания относительно А. Гитлера и Э. Дитля⁵⁰. Это же касалось и национал-социализма в целом. Поскольку 2-я и 3-я горные дивизии были в основном укомплектованы австрийцами, то в протоколах допросов фиксировались факты негатива в адрес Германии за аншлюс Австрии в 1938 г. Многие солдаты с удовольствием и готовностью рассказывали о своих семьях, родственниках, об усталости от войны, о плохом питании, суровом климате, нехватке теплых вещей, критиковали офицеров и унтер-офицеров, условия службы, говорили о желании вернуться скорее

домой⁵¹. Советские разведчики даже зафиксировали в документах написанную по этому случаю горными егерями песню «Когда же, когда же домой» («Песня о тундре») и разместили ее перевод в направленных в штаб фронта документах⁵².

Большинство пленных, побывавших в сражениях с Красной армией на Мурманском направлении, очень высоко оценивали ее боевой потенциал. Об этом, например, говорил лейтенант (обер-лейтенант) Вернер фон Бардеleben и ряд других военных, захваченных в ходе боев⁵³. Допросы военнослужащих противника позволяли советской стороне получить практически исчерпывающую информацию о том, какие образцы вооружения наносят неприятелю наибольший урон. Это, прежде всего, относилось к минометам всех калибров, пулеметному огню и обстрелам артиллерией⁵⁴. Действия советской авиации, ее штурмовые и бомбардировочные налеты, пленные лета — осени 1941 г. в целом оценивали невысоко, равно как и огонь красноармейцев из индивидуального стрелкового оружия с дальних дистанций. При этом подчеркивалась эффективность действий пехоты из засад в ближнем бою. Большую озабоченность у немцев вызывал тактический прием, когда солдаты Красной армии после боя притворялись убитыми, пропускали противника сквозь свои порядки, а потом стреляли им в спину. Это заставляло горных егерей при наступлении, в случае обнаружения тел павших советских воинов, дополнительно прикалывать их штыками или добивать выстрелами, чтобы не дать им возможности затем атаковать с тыла. Повсеместно отмечалась стойкость, мужество и выучка военнослужащих Красной армии⁵⁵.

Таким образом, следует подытожить, что военная разведка штаба 14-й армии в ходе боевых действий 1941 г. постаралась максимально ответственно выполнить обработку данных допросов военнопленных противника. Отсутствие опыта практической работы зачастую приводило к ошибкам и оплошностям, снижающим эффективность этой деятельности, однако фатальных просчетов, имевших бы катастрофические последствия, допущено не было, и все поставленные задачи разведотделы уже осенью 1941 г. выполняли быстро и качественно.

Собрав и обработав максимально возможный массив информации от пленных противника, советской военной разведке удалось к концу 1941 г. создать полную и подробную картину того, что же собой представлял их противник из горного корпуса «Норвегия», с которым они скрестили оружие на этом самом северном участке советско-германского фронта. После осмысления опыта лета — осени 1941 г. эта деятельность успешно продолжалась военной (войсковой) разведкой соединений 14-й армии и на последующих этапах Великой Отечественной войны в Заполярье.

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 363. Оп. 6230. Д. 6. Л. 2.

² Там же. Оп. 6208. Д. 38. Л. 40.

³ Там же. Оп. 6230. Д. 6. Л. 2.

⁴ Там же. Оп. 6208. Д. 15. Л. 85.

- ⁵ *Kaltenegger R.* Krieg am Eismeer: Gebirgsjäger im Kampf um Narvik, Murmansk und die Murmanbahn. Graz, 1999. S. 207–209.
- ⁶ *Сидорин А. Н., Белинский Т. Н.* Совершенствование войсковой разведки в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 17.
- ⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (102). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993. С. 35.
- ⁸ Там же. С. 16–17, 82, 167.
- ⁹ *Никольский В. А.* ГРУ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005. С. 18–19.
- ¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6230. Д. 6. Л. 11, 13.
- ¹¹ *Вещезерский Г. А.* У холодных скал. М., 1965. С. 26, 35–36, 73–75, 113, 136; *Худалов Х. А.* У кромки континента. М., 1974. С. 53.
- ¹² *Вещезерский Г. А.* У холодных скал. С. 60, 69; *Иванников А. К.* На берегах Западной Лицы. Мурманск, 1990. С. 43–44; *Румянцев Н. М.* Разгром врага в Заполярье (1941–1944 гг.). Военно-исторический очерк. М., 1963. С. 34, 38, 42, 47–48; *Худалов Х. А.* У кромки континента. С. 15, 34.
- ¹³ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 18. Л. 80.
- ¹⁴ Там же. Оп. 6230. Д. 2. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Оп. 6208. Д. 18. Л. 80.
- ¹⁶ Там же. Л. 216.
- ¹⁷ Там же. Оп. 6230. Д. 6. Л. 55.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 91. Л. 62.
- ¹⁹ Там же. Л. 100.
- ²⁰ Там же. Л. 64–67.
- ²¹ Там же. Оп. 6208. Д. 39. Л. 270.
- ²² Там же. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 91. Л. 111, 124.
- ²³ Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 18. Л. 124.
- ²⁴ Там же. Оп. 6230. Д. 8. Л. 41; Д. 38. Л. 381.
- ²⁵ Там же. Оп. 6208. Д. 38. Л. 175.
- ²⁶ Там же. Л. 158.
- ²⁷ Там же. Д. 39. Л. 479.
- ²⁸ Там же. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 91. Л. 158.
- ²⁹ Там же. Д. 153. Л. 22.
- ³⁰ Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 39. Л. 199.
- ³¹ Там же. Ф. 1280. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.
- ³² Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 39. Л. 199.
- ³³ Там же. Д. 7. Л. 195, 197.
- ³⁴ Там же. Л. 271–272, 590; Оп. 6230. Д. 39. Л. 611; Ф. 31068. Оп. 1. Д. 91. Л. 154.
- ³⁵ Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 39. Л. 178–272.
- ³⁶ *Вещезерский Г. А.* У холодных скал. С. 125–126.
- ³⁷ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 38. Л. 207.
- ³⁸ Там же. Л. 208.
- ³⁹ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. М., 2005. С. 372.
- ⁴⁰ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 38. Л. 249.
- ⁴¹ *Румянцев Н. М.* Разгром врага в Заполярье... С. 47.
- ⁴² ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 38. Л. 251–255.
- ⁴³ *Rüf H.* Gebirgsjäger vor Murmansk. Der Kampf des Gebirgskorps «Norwegen» an der Eismeerfront 1941/42. Innsbruck, 1957. S. 166.
- ⁴⁴ *Ruef K.* Odyssee einer Gebirgs-Division: Die 3. Gebirgs-Division im Einsatz. Graz, 1976. S. 217.
- ⁴⁵ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6230. Д. 5. Л. 54–56.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 6208. Д. 39. Л. 199.
- ⁴⁷ Там же. Л. 314; Оп. 6230. Д. 7. Л. 162.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 6208. Д. 39. Л. 267–268.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 153. Л. 22.

⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 39. Л. 268.

⁵¹ Там же. Д. 38. Л. 152.

⁵² Там же. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 93. Л. 202.

⁵³ Там же. Ф. 363. Оп. 6208. Д. 39. Л. 199.

⁵⁴ Там же. Л. 247.

⁵⁵ Там же. Л. 199.

Статья поступила в редакцию 17 января 2024 г.

Рекомендована к печати 15 июля 2024 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Чапенко А. А. Допросные документы немецких военнопленных из горного корпуса «Норвегия» как источник по истории Великой Отечественной войны в Заполярье в 1941 г. // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 4. С. 835–849. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.403>

Аннотация: Темой статьи является анализ протоколов допросов германских военнослужащих из горного корпуса «Норвегия», плененных во время боев на Мурманском направлении в начальный период Великой Отечественной войны в Заполярье (лето — осень 1941 г.). Изучив эти документы, автор проследил динамику совершенствования самих форм допроса солдат неприятеля, показал важность такого типа информации для работы военной (войсковой) разведки и попытался указать наиболее интересные и важные аспекты этого процесса. В исследовании задействован комплекс неопубликованных материалов из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Допросные документы, оформленные в виде протоколов, представляют собой важный источник информации о противнике, позволяющий понять и оценить военный потенциал германского горного корпуса «Норвегия» летом — осенью 1941 г. Эти материалы дают понимание того, как враг вел себя в плену на начальном этапе войны, насколько он был готов делиться на допросах информацией военного характера, как оценивал Красную армию, а также военный потенциал вермахта, собственных офицеров и сослуживцев. Изучение протоколов позволило показать процесс быстрого совершенствования системы работы разведывательных органов 14-й армии с попавшими в плен военнослужащими неприятеля, а также подчеркивается важность допросных документов для сбора, накопления, анализа и дальнейшего применения информации о противнике. Военная разведка штаба 14-й армии ВС СССР в ходе боевых действий 1941 г. постаралась максимально ответственно подходить к данным допросов военнопленных противника. Отсутствие опыта практической работы зачастую приводило к ошибкам и просчетам, снижающим эффективность этой деятельности, однако фатальных ошибок, имевших катастрофические последствия, допущено не было, и все поставленные задачи разведотделы уже осенью 1941 г. выполняли быстро и качественно.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Заполярье, военная разведка, допросные документы, 14-я армия ВС СССР, горный корпус «Норвегия».

Сведения об авторе: Чапенко А. А. — канд. ист. наук, доц., Мурманский арктический университет (Мурманск, Россия); <https://orcid.org/0000-0002-0613-9295>, achapenko@yandex.ru

Мурманский арктический университет, Россия, 183038, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15

FOR CITATION

Chapenko A. A. 'Interrogations of German Prisoners of War from Mountain Corps "Norway" as a Source on the History of the Great Patriotic War in the Arctic in 1941', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 4, 2024, pp. 835–849. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.403> (In Russian)

Abstract: The topic of the article is the analysis of the interrogation protocols of German military personnel from the Norway mountain corps, captured during the fighting in the Murmansk direction in the initial period of the Great Patriotic War in the Arctic (summer — autumn 1941). Having studied these documents, the author traced the dynamics of improving the very forms of interrogation of enemy soldiers, showed the importance of this type of information for the work of military (field) intelligence and tried to indicate the most interesting and important aspects of this process. The research is mainly based on the use of a complex of unpublished materials from the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Interrogation documents, drawn up in the form of protocols, represent an important source of information about the enemy, allowing one to understand and evaluate the military potential of the German mountain corps "Norway" in the summer and autumn of 1941. These materials provide an understanding of how the enemy behaved in captivity at the initial stage of the war, how willing he was to share military information during interrogations, how he assessed the Red Army, as well as the military potential of the Wehrmacht, his own officers and colleagues. Using the example of studying these protocols, the process of rapid improvement of the system of work of the intelligence agencies of the 14th Army of the Armed Forces of the Soviet Union with captured enemy soldiers is shown, and the importance of working with interrogation documents for the collection, accumulation, processing and further use of information about the enemy is emphasized.

Keywords: Great Patriotic War (WWII), Arctic, reconnaissance, interrogation documents, 14th Army of the Soviet Armed Forces, mountain corps "Norway".

Author: *Chapenko A. A.* — PhD in History, Associate Professor, Murmansk Arctic University (Murmansk, Russia); <https://orcid.org/0000-0002-0613-9295>, achapenko@yandex.ru

Murmansk Arctic University, 15, ul. Kapitana Egorova, Murmansk, 183038, Russia

References:

- Ivannikov A. K. *On the banks of the Western Litsa* (Murmansk, 1990). (In Russian)
- Kaltenegger R. *Krieg am Eismeer: Gebirgsjäger im Kampf um Narvik, Murmansk und die Murmanbahn* (Graz, 1999).
- Karell P. *Eastern Front. Book 1: Hitler goes to the East* (Moscow, 2005). (Rus. ed.)
- Khudalov H. A. *At the edge of the continent* (Moscow, 1974). (In Russian)
- Nikolsky V. A. *GRU during the Great Patriotic War* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Ruef K. *Odyssee einer Gebirgs-Division: Die 3. Gebirgs-Division im Einsatz* (Graz, 1976).
- Rüf H. *Gebirgsjäger vor Murmansk. Der Kampf des Gebirgskorps "Norwegen" an der Eismeerfront 1941/42* (Innsbruck, 1957).
- Rumyantsev N. M. *Defeat of the enemy in the Arctic (1941–1944). Military historical essay* (Moscow, 1963). (In Russian)
- Sidorin A. N., Belinsky T. N. 'Improving military intelligence during the Great Patriotic War', *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2015, no. 12, pp. 15–21. (In Russian)
- Veshchezersky G. A. *By the cold rocks* (Moscow, 1965). (In Russian)

Received: January 17, 2024

Accepted: July 15, 2024